

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-650-661

Научная статья

Время в элегической поэзии И. Бродского и Р. Хариса: к проблеме различий

А.З. Хабибуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18
 Alsu_Zarifovna@mail.ru

Аннотация. Проведен сопоставительный анализ элегий и элегических произведений И. Бродского и Р. Хариса в аспекте категории времени как важнейшей в архитектонике и содержании элегического жанра. Фактическую основу работы образуют такие известные произведения Бродского, как «Почти элегия», «Римские элегии», «Осенний крик ястреба» и др., а также элегии Р. Хариса: «Элегия» (В комнате моей от дыма синь), «Семь элегий о смысле жизни», «Август», «Кладбищенская пыль». Сделан вывод о сходстве типа художественного мышления двух авторов, в основе которого доминирование рационального начала в творчестве. Установлено, что лирический герой элегий Хариса не противопоставлен времени, своему веку, в отличие от героя элегий Бродского, который выбирает точку «внеаходимости» по отношению к времени; время в его поэзии выводится за пределы бытия. Если ценностью для героя элегий Хариса становится естественная взаимосвязь явлений и вещей, а также взаимодействие жизни и смерти, то Бродский подчеркивает раздробленность и хрупкость мира как свойство его метафизического восприятия («Почти элегия», «Римские элегии»). Также выявлены разные формы трансформации элегии и элегического модуса художественности в разноязычных произведениях.

Ключевые слова: элегия, время, пространство, И. Бродский, Р. Харис, авангард, сопоставление литератур, различие

История статьи: поступила в редакцию 04.02.2022; принята к печати 04.04.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Хабибуллина А.З. Время в элегической поэзии И. Бродского и Р. Хариса: к проблеме различий // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 650–661. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-650-661

© Хабибуллина А.З., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Time in the Elegiac Poetry of I. Brodsky and R. Kharis: to the Problem of Differences

Alsu Z. Khabibullina

Kazan (Volga Region) Federal University,
18, Kremlevskaya St., Kazan city, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation
 Alsu_Zarifovna@mail.ru

Abstract. This article is devoted to a comparative study of elegy and elegiac works of I. Brodsky and R. Kharis in the aspect of the category of time as the most important in the architectonics and content of the elegiac genre. The actual basis of the article is formed by such well-known works of Brodsky as “Almost elegy”, “Roman elegies”, “Autumn cry of a hawk” etc. and the elegies of R. Kharis the Tatar poet of the 2nd half of the XX — beginning of the XXI century: “Elegy (There is blue smoke in my room)”, “Seven elegies about the sense of life”, “August”, “Cemetery dust”. The conclusion is made about similarity of the type of artistic thinking of the two authors, which is based on the dominance of the rational beginning in creativity. It is stated that lyrical hero of Kharis’s elegies is not opposed to time, his century unlike the hero of the elegies of Brodsky, who chooses the point of “non-occurrence” in relation to time; time in his poetry is taken beyond the limits of being. If the value for the elegiac hero of the Tatar author becomes the natural connection of phenomena and things with each other, as well as the interaction of life and death, then Brodsky emphasizes the fragmentation and fragility of the world as a property of its metaphysical perception (“Almost elegy”, “Roman elegies”). The comparative analysis also revealed different forms of transformation of the elegy and the elegiac mode of artistry in multilingual works. Thus, in the “Seven elegies...” by Kharis the final part of the cycle differs from the state of “mixed feelings” necessary for the poetics of the genre. On the contrary, in the elegy, the idea of human loneliness is strengthened: expansion into the world of heaven turns it into a stable state of cosmic being.

Key words: elegy, time, space, I. Brodsky, R. Kharis, avant-garde, comparison of literature, difference

Article history: received 04.02.2022; accepted 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Khabibullina, A.Z. 2022. “Time in the Elegiac Poetry of I. Brodsky and R. Kharis: to the Problem of Differences”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 650—661. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-650-661

Введение

В свете концепции сопоставительного литературоведения — одной из методологий современной компаративистики — различия, поиски истоков уникального, неповторимого в генезисе и содержании жанров, выступают тем объективным основанием, которое создает особое «поле напряжения» — то необходимое пространство диалога литератур, из которого складывается «согласие» жанров и их корреляция между собой.

Зададимся вопросами: как изменяется жанр элегии в контексте разных национальных литератур, находящихся в пространстве диалогических отношений; какие

«новые» смыслы он приобретает в творчестве поэтов XX в., уникальных с точки зрения языка, мировоззрения, типов культур?

Обратимся в этой связи к элегиям Иосифа Бродского и Рената Хариса.

Одним из оснований для их сопоставления является, на наш взгляд, тип художественного мышления, в котором проявилось единство чувственных и аналитических элементов творчества. Так, многие исследователи (С. Аверинцев, И. Шайтанов, М. Крепс, Е. Эткин, А. Азаренков и др.) подчеркивают преобладание в стихе Бродского — поэта не только российского, но и мирового масштаба — выраженного рационального начала, а также близость его к риторической поэзии. По мнению И. Служева, «не отказываясь от эмоций, страстей, от иных составляющих мироздания вообще и психологии в частности, лирика Бродского, бесспорно, выдвигает интеллект в качестве своего главного опознавательного знака, пружины, формирующей поэтику» [1].

Поэзия Р. Хариса также достаточно рациональна, в ней проявляется стремление к философским обобщениям и интеллектуальному познанию мира, которые складывались в контексте авангардных процессов в татарской литературе 60—80 гг. XX в. Авангард, по мнению Д.Ф. Загидуллиной, способствовал «коренному обновлению художественных форм, выводя на литературную арену реализм и романтизм европейского типа, активизируя модернистские поиски» [2. С. 48]. В этом аспекте Харис — яркий представитель «интеллектуальной поэзии, поэзии мысли» [2. С. 98]. Как и Бродский, он стремится к созданию «необыкновенных ирреальных картин» природы и человеческой жизни, направленных на понимание экзистенциальной сути явлений. Вместе с тем татарскому автору ближе «искусство удивления» сюрреалистов, их метафорическая образность и эстетика, нежели метафизический стиль творчества, как у Бродского [2. С. 98].

И. Бродский и Р. Харис — поэты уникальные не только в их принадлежности к несходным типам культур и языков, но и в аспекте философских основ мировоззрения, истоки которого находятся в их биографиях, путях духовных исканий, картин мира, этнической идентичности, наконец художественной поэтики в целом. Для исследователя такие различия объективно вызывают трудность, однако лишь тогда, когда речь идет о поисках общего. Мы же полагаем, что через призму сопоставления литератур исходным началом в установлении диалогических отношений может стать категория времени и разные формы ее репрезентации в элегическом жанре. Такая стратегия размышления ведет нас к постановке главной цели работы — выяснению трансформаций элегии и элегических стихотворений в аспекте категории времени как концептуальной в содержании и архитектонике лирического жанра. Отметим, что синхроническое рассмотрение творчества двух поэтов в аспекте проблемы элегического жанра и его трансформаций до сих пор не было предметом компаративных исследований.

Обсуждение

Элегия — один из основных жанров творчества Бродского и Хариса. Е. Курганов убедительно доказывает, что Бродскому была близка элегия: «Бродский был внутренне элегичен. Все дело в том, что, он, чувствуя себя во времени обо-

стренно, даже сверхобостренно, любил оплакивать себя и время» [3. С. 169]. Исследователь подчеркивает сложное отношение поэта к жизни, проявившееся «в коллизии РАЗМИНОВЕНИЯ», в том, что поэт «разошелся со временем, а время с ним» [3. С. 169]. Такое жесткое обстоятельство порождало, по словам исследователя, «глобальный, мировой, вселенский элегизм», но одновременно «рыдающую интонацию» — особое свойство его элегического сознания [3. С. 169].

Тему сопротивления времени находит в произведениях И. Бродского (после 1972 г.) М. Павлов. Он выделяет совершенно уникальное отношение Бродского к будущему и прошлому. Не только потери, по его мнению, составляют основу содержания поэзии Бродского («Колыбельная трескового мыса», «1972», «Бабочка»), но и тот факт, что «жизнь в его представлении является процессом реактивным: человек движется именно потому, что теряет. Растрачиваемое время и прочие жизненные ресурсы перерабатываются в речь, в шрифт, в кириллицу (один из излюбленных образов Бродского)» [4. С. 25].

Элегии и элегические произведения Р. Хариса также связаны с категорией времени, в частности, в них проявляется повышенное внимание к теме прошлого через призму настоящего, к мотиву воспоминания, которые также проникают и в другие художественные формы: в послания, рубаи, поэмы.

Подобно герою Бродского, герою Хариса свойственно обостренное чувство времени: он тонко и глубоко, почти до душевной боли, ощущает его стремительный ход. Такое эмоциональное состояние лирического героя задает близкий к Бродскому элегический тон, лишенный вместе с тем «рыдающей интонации», но проявляющейся как чувство невыразимой тоски по ушедшему, близкой к моң¹. Наиболее полно эта черта художественного сознания проявилась в стихотворениях «Renatus», «Зират тузаны» (Кладбищенская пыль), «Элегия» (Бүлмәмда күк төтен), «Элегия» (В комнате моей от дыма синь), «Гомер турында жиде элегия» (Семь элегий о смысле жизни), «Моң», «Август».

Повторимся: время — важнейшая категория в философии и элегиях И. Бродского. «Стих Бродского, — пишет Е. Курганов, — уже самой плотью своей, самой своей структурой направлен против века. И тут даже не в длинноте стиха, а в ее направленности. Стих Бродского — это граница, разделяющая поэта и мир» [3. С. 168]. Такое восприятие действительности порождало в его элегиях обостренное чувство утраты, тотального одиночества, боли, наконец, самой смерти. Последняя осмысливалась им как то, что близко человеку, находится рядом с ним, она идентична его интеллектуальному сознанию, его *жизни* в целом. В этой связи Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий считают, что «повторяющийся ход поэтической логики Бродского — максимальное погружение в мрак и безнадежность, в абсурд и хаос, последовательное обживание и интеллектуальное освоение этих экзистенциальных антимиров, которое поразительным и иррациональным образом выводит к свету и чувству гармонии с мирозданием» [5. С. 138]. Действительно, выход героя «к чувству гармонии с мирозданием», обретение свободы и понима-

¹ Моң определяется как один из национальных концептов татарской культуры, который передает состояние беспричинной тоски и грусти. Считается, что моң близок к элегизму в татарской литературе.

ние природной сути явлений мира достигается только ценой смерти, утрат, разочарования в надеждах и близких ему людей. Во многих элегиях и элегических произведениях поэта («Римские элегии», «Почти элегия», «Элегия» (Прошло что-то около года), «Эклога 4-я (зимняя)»), тема уходящего времени и смерти — основная, задающая философский импульс его стихам.

Так, в «Урании» (1987), в одном из самых элегических циклов поэта, время ассоциируется с холодом, зимнем морозом, рисующим на стеклах свои странные узоры; бытие субъекта здесь пропитано одиночеством, которое, с точки зрения поэта, — объективная составляющая человеческой жизни:

Время есть холод. Всякое тело, рано
или поздно, становится пищею телескопа:
остывает с годами, удаляется от светила.
Стекло зацветает сложным узором: рама
суть хрустальные джунгли хвоща, укропа
и всего, что взрастило
одиночество [6].

В цикле «Римские элегии» (1981), который вошел в «Уранию», развивается мысль о том, что время разрушительно для человека. Здесь оно уподобляется звукам странной серенады: «Карузо для собаки, сбежавшей от граммофона». Такое метафизическое определение подчеркивает трагикомичность и нелепость всего, что происходит с человеком в самом старинном городе мира. В «Урании», в «Эклоге 4-й», время описывается как то, что находится *по ту сторону бытия, у границ «немой» Вселенной*. При этом наполняющее Вселенную время выражает абсолютное равнодушие как к человеку, так и ко всему человеческому, даже в самом малом, ничтожном его состоянии. «Избыток времени» в космическом пространстве, на внеземной орбите по сути есть аналог смерти:

В космосе самый глубокий выдох
не гарантирует вдоха, уход — возврата.
Время есть мясо немой Вселенной.
Там ничего не тикает [6].

В поэзии Р. Хариса нет того трагического мотива, который закономерно включает обретение человеком счастья, гармонии. Стихотворения татарского поэта, в том числе те, которые определены им как элегии, лишены метафизического восприятия мира, в основе которого, по мнению И. Шайтанова, «трагическое ощущение утраты цельности, как самого мироздания, так и мысли о нем» [7. С. 451].

Сопоставление элегической поэзии двух авторов подтверждает, что ценностью для героя Хариса является не раздробленность и хрупкость мира, а напротив, подчеркнутая связь явлений и вещей между собой, в том числе невидимое взаимодействие двух противоположных начал — жизни и смерти. Время неизбежно уносит годы, века, судьбы, народы, но оно, тем не менее, значимо и ценно для его духовного опыта («Кладбищенская пыль», «Осенние цветы», «Август»).

Так, в элегическом стихотворении «Кладбищенская пыль» тема смерти раскрывается через символический образ пыли (тузан), которая, вобрав в себя всю сочность трав, растущих на кладбище, представляется лирическому субъекту источником силы. Для него кладбищенская пыль — это связующее звено, незримая точка взаимодействия между землей, в которой упокоен прах его предков, и небом, куда обращена их смерть. Символизация данного образа наполняет стихотворение Хариса философской интенцией, подчеркивая, с одной стороны, значимую для поэта идею принятия смерти как судьбы, с другой — смерть выступает в своем необычном качестве — она становится той опорой для лирического героя, без которой трудным представляется его собственный жизненный путь:

<p>...мин шул тузаннан арынам лэүкэдэ кыза-кыза. Ләкин юган саен, никтер, ул тузан сенә генә. Зират тузаны әйләнә умыртка сөягенә.</p>	<p>(В жаркой бане парясь, обжигаясь, эту пыль смываю я, стараясь. Но чем больше я стараюсь, лишь в себя ее вбираю, превращается та пыль в стержень мой, мою опору) [8]¹.</p>
--	---

Если лирический герой Бродского выбирает точку «внезаходимости» по отношению к времени, то Харис наделяет своего героя другими характеристиками: он находится в потоке времени, внутри него, попадая в его сложные изгибы, мучаясь противоречиями между своим Я и временем. По-своему это также раскрывается в элегическом стихотворении «Август».

Образ уходящего лета, августа, знаменующей собой границу с осенью, сопоставляется с помощью психологического параллелизма с незаметным, но стремительным ходом жизни:

<p>Инде август. Тагын август Жәй житкән ахыр чиккә. Инде тагын кояш нуры яфракка тамып кипкән. Инде тагын күзге тула купшы, көр, шат чуарлык, ә күңелдә төссез уйлар — тик теш кысып чыдарлык [6. С. 64].</p>	<p>(Снова август. Лето близится к концу. Лишь пролившись на листву, снова солнца луч сухой. Снова наполняются глаза бодрой, яркой пестротой, а в душе лишь бледность мыслей — только, зубы сжав, терпи.)</p>
---	--

В философии татарского поэта человек — часть природы, всего мироздания, поэтому, хотя он и переживает свои утраты, но не сопротивляется естественному ходу бытия. Символом же уходящего времени является образ белых волос (ак чәч), задающий элегический тон всему произведению.

Лирическому герою Хариса, тонко переживающему движение жизни, подвластны условные границы времени. В его поэзии легко обнаруживается разделение времени на месяцы и любимые времена года (осень — зима, август, сентябрь,

¹ Подстрочный перевод лирических произведений Р. Хариса в данной статье выполнила Л.Ф. Переведенцева.

октябрь), которые настойчиво сменяют друг друга из года в год («Все ощутимей жизни время», «Осенние цветы», «Меланхолия»).

Однако подчеркнем главное: «со-положенность» элегий и элегических произведений Бродского и Хариса существует прежде всего в аспекте различий — разминовения и принятия. В них не только выражение самобытности мышления двух поэтов, принадлежащих к разным культурам, но и основание для их диалога, в центре которого находятся такие сложные философские категории, как время, век, вечность, смерть, прошлое. Они-то и образуют философское ядро элегий двух авторов, по-разному репрезентирующих отношение к миру и человеку в нем.

Показательно в этом аспекте стихотворение Бродского «Почти элегия» (1968), в котором с самой первой строчки задается традиционный для жанра мотив прошлого: «В былые дни я переждал / холодный дождь под колоннадой Биржи». Несмотря на трудности жизни, лирический герой воссоздает в своих воспоминаниях ситуацию счастья:

Был же и я когда-то счастлив. Жил в плену
у ангелов. Ходил на вурдалаков.
Сбегавшую по лестнице одну
красавицу в парадном, как Иаков
подстерегал.
Куда-то навсегда
ушло все это...

Описание счастья, данное через призму настоящего времени, в котором уже наступила осень, позволяет Т.А. Глебович считать, что в «Почти элегии» Бродского «мир прошлого предстает идиллическим пространством — Божьим даром». Соответственно, «именно идиллический жанр пусть и опосредованно, но взаимодействует с элегией» [10. С. 90].

Представление о времени и воссоздание образа осени раскрывается в элегии Хариса «Бүлмәмда күк төтен...» (В комнате моей от дыма синь...). В ней представлена в целом иная, чем у Бродского, элегическая ситуация: лирический герой переживает расставание с любимой, он просит ее остаться с ним до зимы. Такой переход от осени к зиме тонкий, едва заметный, но он по-своему раскрывает движение времени, тесную связь времен года между собой.

В «Почти элегии» Бродского также упоминается осень: идиллическую картину счастья сменяет осень, а именно сентябрь, вслед за которым возникает состояние грусти: теперь оно, а не состояние счастья в прошлом, доминирует в восприятии лирического субъекта, рождая причудливые картины в своем воображении:

Теперь сентябрь. Предо мною — сад.
Далекий гром закладывает уши.
В густой листве налившись груши,
как мужеские признаки, висят.

Сентябрь и звучащая в нем тишина усиливают «погруженное в себя» состояние лирического субъекта, открывающее, по мнению Т.А. Глебович, «прозаический поток сознания» как некое начало эссе в элегии [10. С. 90].

Теперь с помощью воображения лирический субъект находится на границе, *в пустоте*, в которой «повисает» едва слышная (а может, неслышная вовсе), тихая мелодия дождя, овладевшая им полностью и охватившая весь мир вокруг него. Финальные строчки «Почти элегии» удивительным образом, с помощью развернутой метафизической метафоры, раскрывают эти неясные и одновременно умиротворенные чувства, стихийно-чувственный поток мыслей и ассоциаций, интуитивных откровений, с помощью которых элегия обретает свою жанровую идентичность:

И только ливень в дремлющий мой ум,
как в кухню дальних родственников — скрадел,
мой слух об эту пору пропускает:
не музыку еще, уже не шум.

Можно утверждать, что финал «Почти элегии» в наибольшей степени соответствует архитектонике лирического жанра: в нем элегическое переживание предстает как результат углубленности в собственный мир, в тайну *своего* бытия, создавая свойственный элегии эффект «смешанных ощущений» как особого просветленного состояния.

Метафизический мир отсутствует в названной элегии Хариса, здесь нет также эссеистического изображения картины природы, созданного оригинальным воображением лирического субъекта. Напротив, звучание элегического тона усиливается с помощью символического образа осени, ее «золотой листвы», доминирующей в пространстве всего стихотворения. Взгляд лирического субъекта обращен не из прошлого в настоящее, как и в элегии Бродского, а из настоящего в вероятное будущее — от осени к зиме. Однако и здесь граница между разными временами года условна, размыта. В сознании татарского поэта время в своем потоке неопределенно: и зимой душу его героя может наполнить осенняя грусть; будущее видится ему безотрадным, если в нем не будет *ее*. Без нее, оказывается, невозможно его личное счастье, гармония с самим собой:

Мин имән түгел ич түгел ич мин каен — кышыма керергә яфрагым саргаеп. Бу көзгә көз өстап өзелсәң күңелдән, мин, шәрә агачтай, ак карга күмеләм.	(Я не крепкий дуб ведь, и не гибкая береза — в зиму чтоб шагнуть, с печальной золотой листвой. В эту осень, если потеряю я тебя, в душу мне проникнет осень тоже, заметут меня снега тогда, словно дерево, раздетое, нагое...)
---	---

Метафорический, а не метафизический образ раздетого дерева, брошенного в зимний холод, подобно настойчивой музыке дождя в элегии Бродского, подчеркивает особенное экзистенциальное состояние лирического героя, его всеобъемлющее страдание и одиночество. Они по-своему отзываются в читательском

сознании, рождая, как и при восприятии «Почти элегии» Бродского, устойчивые ассоциации и ответное переживание не проходящей душевной тоски.

Среди произведений Хариса особое место занимает элегический цикл с достаточно неожиданным заглавием: «Гомер турында жиде элегия» (Семь элегий о смысле жизни), в котором наиболее полно проявились черты авангардного мышления поэта. Оно сопоставимо, на наш взгляд, с элегическим стихотворением Бродского «Осенний крик ястреба» (1975), вошедшего в цикл «Урания».

Что же является общим в элегиях, созданных поэтами разных культур?

Прежде всего, они посвящены теме Вечности, мироздания; концептуальное значение в них имеют категории пространства и времени, наконец, смерти, придавая ясную, выраженную философскую определенность их содержанию.

В «Осеннем крике ястреба» воссоздается образ смелой и одинокой птицы, взмывающей вверх «в осеннюю синеву», чтобы достичь самых небес («Все выше, / В ионосферу»). Однако ястреб уходит так высоко, что «упругий слой воздуха его возвращает в небо». Самая трагическая часть элегии связана с описанием того, как ястреб, находящийся в пространстве *пустоты*, между землей и небом, «где отсутствует кислород, где вместо проса — крупа далеких звезд», во время падения вниз воспроизводит невыносимый, «механический, нестерпимый звук» — «звук стали, впившейся в алюминий». Результатом этого падения на землю становится смерть птицы и превращение ее в снег:

Мы слышим: что-то вверху звенит,
как разбивающаяся посуда,
как фамильный хрусталь,
чьи осколки, однако, не ранят, но
тают в ладони.

Отметим, что данное стихотворение Бродского не раз становилось предметом специальных размышлений исследователей. В частности, Е. Курганов выделяет в нем мотив выталкивания в пустоту («невозможность быть и на земле, и на небе»), доминирующий в мотивной структуре «Урании» в целом [3. С. 171]. Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий интерпретируют финальную часть элегии Бродского, в которой появляется образ снега и зимы, как стратегию объяснения автором сущности поэзии: «наполнение пустоты собой, своим голосом, словом, криком» [5. С. 148]. Ю.М. Лотман и М.Ю. Лотман утверждают, что пустота, о которой пишет поэт в элегии, подобна «божественному творческому слову, уже включающему в себя все будущие творения и судьбы» [11. С. 304].

Таким образом, образ птицы, устремленной в пространство неба, Вселенной, а затем падающей на землю и превращающейся в снег, рождает ассоциации с поэзией («многоточия, скобки, звенья»), со свободным творчеством, способным заполнить пустоту живым голосом и словом.

Полагаем, что образ снега в стихотворении Бродского определенным образом взаимосвязан с образом пыли в элегическом произведении «Кладбищенская пыль» Хариса. Они гомологичны по своей природе, так как передают один и тот же взгляд — иллюзорность мира, бренность всего сущего, размытость и семулятивность форм человеческого бытия. Кроме того, образы снега и пыли, тесно свя-

занные с темой смерти, значимой для элегии, указывают на то, что только через утраты, переживание смерти близких людей можно приблизиться к истинным ценностям жизни и выразить их в своем творчестве.

Но есть и другой аспект сопоставления.

В лирическом цикле Хариса «Семь элегий о смысле жизни», как уже отмечалось, воссозданный мир неба, звезд, Вселенной, как у Бродского, затрагивает семантически иные аспекты категории времени и пространства, понять которые помогает поэтика произведения татарского автора.

Элегии, входящие в цикл, построены с помощью параллелизма. В данном цикле — это основной художественный прием, подчеркивающей идею сопоставления мироздания (в элегии его символизирует Млечный путь) с человеческой жизнью, ее пути:

Галәмда кемнәрдер сөйләшә үзара: «Киек Каз Юльнда каурыйлар <i>кызара</i> : Гомерләр узалар... <i>Чигаләр бузара</i> ...	(Меж собою во Вселенной кто-то ведет разговор: «На Млечном пути перья <i>краснеют</i> ... Жизнь проходит, <i>Белеют виски</i> ...).
---	--

Красный цвет перьев Млечного пути, алый месяц («Заходит месяц / и заалел рассвет, рассвет...»), золото горящего солнца и серебряный луч, идущий от луны, сопоставляются с белизной волос героя элегии. Оно семантически значимо: через сопоставление подчеркивается, с одной стороны, ситуация нахождения субъекта внутри пространства мироздания (герой слышит разговор, который ведется во Вселенной), с другой, оно передает принятие того обстоятельства, что человеческая жизнь подчинена законам вселенского времени, мироздания. Как видим, время здесь не выведено, как у Бродского, по ту сторону бытия — оно существует как часть бытия самого элегического субъекта, образуя его главный духовный центр. Принятие времени углубляет черты элегии, по-своему подчеркивая связь с устойчивыми чертами поэтики этого жанра.

Кроме того, в элегии Хариса раскрывается иная, чем в «Осеннем крике ястреба» семантика образа белого снега: теперь с ним связан мотив ухода и холода, обращающей элегию к традиционной для нее теме прошлого, в котором для лирического субъекта — истоки уже пройденного им пути.

Элегический герой Хариса словно находится в двух «измерениях» времени — человеческом, где исходная точка — смерть, и вселенском, в котором мир вечен, прекрасен, бесконечен в пространстве, а потому так привлекателен для него. Мир вселенной, в отличие от человеческого мира, идилличен по природе. Открывая элегическому герою состояние гармонии, он рождает представление о красоте неба, звезд, которые трудно найти в пространстве земной человеческой жизни.

Если в «Осеннем крике ястреба» звучит мотив выталкивания в пустоту, в которой «размывается» время и его границы, то в философской элегии Хариса граница между небом и землей не образует ее: лирический герой, глядя на небо, пытается найти ответы на сложные вопросы своей жизни. Звездное небо в элегии Хариса предстает как сюрреалистическая картина, мир до конца неподвластный

сознанию брэнного человека и удивляющий его, но одновременно именно он открывает возможность познания себя. Вселенная точно «подсказывает» ответы на вопросы о смысле жизни, о сущности человека на земле.

Заключение

Таким образом, цикл Р. Хариса «Семь элегий о смысле жизни» вбирает в себя концептуальные черты жанра: лирический субъект предстает одиноким, ищущим себя в необратимом потоке времени. Вместе с тем финальная часть цикла, в котором небесный мир, обращенный к человеку, также попадает в пространство грусти, тоски, «своих» небесных утрат, трансформирует необходимый для элегической поэтики просветленный финал.

В стихотворении И. Бродского «Осенний крик ястреба» также воссоздано космическое пространство и время, однако, по Бродскому, это — «астрономический объективный ад». Мотив смерти, который приобрел трагическую завершенность в самом финале стихотворения, значительно трансформировал элегическую модальность произведения, вводя его в совершенно иную тему — свободы творчества как преодоление разрушительной силы пространства и времени. В отличие от элегии Хариса, такое «просветление» в финальной части стихотворения (превращение смерти в творчество) передает гармонизацию содержательных противоречий как концептуального элемента элегического стиха.

Итак, различия духовных состояний и внутренних поисков героев элегий Бродского и Хариса по-своему раскрывают уникальность элегического жанра и его модальности в контексте разноязычного художественного творчества. Выявляющиеся же в ходе исследования различия в аспекте поэтики, а также заключенного в элегиях содержания, во многом объясняются самобытностью мировоззрения и философии поэтов, способов их жанрового мышления и идентификации в литературе.

Список литературы

1. *Служевская И.* О стихотворении Бродского «Разговор с небожителем». URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue10/sluzhevskaya.html> (дата обращения 13.08.2021).
2. *Загидуллина Д.Ф.* Татарская литература XX—XXI вв.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). Казань: ИЯЛИ, 2020.
3. *Курганов Е.* Бродский и искусство элегии // Иосиф Бродский: творчество, личность и судьба. Итоги трех конференций. СПб.: Журнал «Звезда», 1998. С. 166—185.
4. *Павлов М.* Поэтика потерь и исчезновений. Заметки о поздних стихах Бродского // Иосиф Бродский: творчество, личность и судьба. Итоги трех конференций. СПб.: Журнал «Звезда», 1998. С. 22—29.
5. *Липовецкий Н.Л., Лейдерман М.Н.* Поэзия Иосифа Бродского (1940—1996) // Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 3: В конце века (1986—1990-е годы): учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 200. С. 132—150.
6. *Бродский И.* Стихотворения. Эссе. (Серия «Зеркало — XX век»). Екатеринбург: У-Фактория, 2002.
7. *Шайтанов И.О.* Явление Бродского // Дело вкуса: Книга о современной поэзии. М.: Время, 2007.
8. *Харис Р.* Шигырләр [Стихотворения]: 7 томда. Т. 3. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. (На татар. яз.).

9. Харис Р. Шигырлар [Стихотворения]: 7 томда. Т. 2. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. (на татар. яз.).
10. Глебович Т.А. Трансформация классических жанров в поэзии И. Бродского: эклога, элегия, сонет: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
11. Лотман Ю.М., Лотман М.Ю. Между вещью и пустотой (Из наблюдений над поэтикой сборника Иосифа Бродского «Урания») // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. Таллин: Александра, 1993.

References

1. Sluzhevskaya I. O stihotvorenii Brodskogo «Razgovor s nebozhitelem». [About Brodsky's poem «A talk with a celestial»]. URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue10/sluzhevskaya.html> (data obrashcheniya 13.08.2021). Print. (In Russ.).
2. Zagidullina D.F. 2020. Tatarskaya literatura XX—XXI vv.: «myagkost'» modernizma-avangarda-postmodernizma (k postanovke problemy) [The Tatar literature of XX—XXI centuries: «softness» of modernism-avant-garde-postmodernism (to the problem statement)]. Kazan': IYALI. Print. (In Russ.).
3. Kurganov E. 1998. Brodskij i iskusstvo elegii [Iosif Brodsky: creativity, paersonality and fate. Conclusions of 3 conferences]. Sankt-Peterburg. Zhurnal «Zvezda». S. 166—185. Print. (In Russ.).
4. Pavlov M. 1998. Poetika poter' i ischeznovenij. Zаметki o pozdних stihah Brodskogo [Iosif Brodsky: creativity, paersonality and fate. Conclusions of 3 conferences]. Sankt-Peterburg. Zhurnal «Zvezda». S. 22—29. Print. (In Russ.).
5. Lipoveckij N.L., Lejderman M.N. 2000. Poeziya Iosifa Brodskogo (1940—1996): study guide [Modern Russian literature: in 3 books. Book 3: In the end of the century (1986—1990's): tutorial]. Moscow. Editorial URSS. Kn. 3. S. 132—150. Print. (In Russ.).
6. Brodskij I. 2002. Stihotvoreniya. Esse. (Seriya «Zerkalo — XX vek») [Poems. Essay. («Mirror — XX century» Series)]. Ekaterinburg. U-Faktoriya. Print. (In Russ.).
7. Shajtanov I.O. 2007. YAvlenie Brodskogo [The matter of taste: A book about modern poetry]. Moscow. Vremya. S. 375—480. Print. (In Russ.).
8. Haris R. 2006. SHigyrлар [Poems]: 7 томда. Казан. Татар. кит. нәшр. Том 3. Print. (In Tatar.).
9. Haris R. 2006. SHigyrлар [Poems]: 7 томда. Казан. Татар. кит. нәшр. Том 2. Print. (In Tatar.).
10. Glebovich T.A. 2005. Transformaciya klassicheskikh zhanrov v poezii I. Brodskogo: ekloga, elegiya, sonet [Transromation of classis genres and the poetry of I. Brodsky: eclogue, elegy, sonnet]: diss. ... канд. filol. nauk. Ekaterinburg. Print. (In Russ.).
11. Lotman Yu.M., Lotman M.Yu. 1993. Mezhdhu veshch'yu i pustotoj (Iz nablyudenij nad poetikoj sbornika Iosifa Brodskogo «Uraniya»). Lotman Yu.M. [Selected articles]: v 3-h tomah. Tallin. Aleksandra. T. 3. S. 294—307. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе

Хабибуллина Алсу Зарифовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3332-4066
SPIN-код: 463512

Bio Note

Alsu Zarifovna Khabibullina is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “The Russian literature and methodology of teaching”, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University. E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3332-4066
SPIN-code: 463512